

ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье поднимается вопрос об автономности уголовного права. Рассматриваются различные аспекты доктринального понимания пределов действия уголовного закона и его сферы применительно к позитивным отраслям законодательства. Автор в контексте существования концепции автономности (самостоятельности) уголовно-правового регулирования задается вопросом о пределах судебного толкования. В этом контексте рассматриваются антагонистические взгляды на пределы механизма уголовно-правового регулирования. Особое внимание уделяется постулату о том, что функциональная автономия уголовного права порождает не только охранительную составляющую, но и регулирующую функцию, и правоприменитель вправе при решении конкретного дела принимать решение, основываясь на заимствованных из иных отраслей права концепциях, но при этом он может придавать им иной смысл и значение, чем тот, которыми они наделены в этих позитивных (регулирующих конкретные общественные отношения) отраслях. Автор приходит к выводу, что автономное толкование иноотраслевых признаков и понятий регулятивного законодательства немыслимо. Если уголовный закон должен охранять от преступных посягательств экономические отношения, возникающие по поводу статики и динамики объектов гражданских прав и их оборота, то его подчинение положениям регулятивного законодательства неизбежно. Детерминированность здесь и должна проявляться именно в соответствии описания признаков преступления положениям регулятивных норм. Как результат, автономность уголовного права может порождать неопределенность содержания самой правовой нормы и допускать возможность никем не ограниченного усмотрения в процессе ее правоприменения. При такой постановке вопроса автономность уголовно-правового регулирования заменяется совсем иным подходом — автономностью судебного толкования уголовно-правовых норм. Однако в данном случае происходит подмена понятий, и автономность уголовного права связывается не столько с регулирующей функцией, сколько с правоприменением уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовое регулирование, автономность уголовного права, толкование права, пределы судебного толкования, юридический позитивизм.

DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.117-128

Для юридической науки и правоприменительной деятельности важное значение имеет определение природы правовых понятий и терминов (в их буквальном значении) и их адекватное восприятие. Немаловажную роль в этом процессе играет толкование закона, осуществляемое правоприменителем именно

как элемент уяснения смысла правовой нормы и выраженной воли законодателя. В этом аспекте существенное значение имеет вопрос о пределах и допустимых границах толкования уголовным законом положений иных отраслей права. В частности, особо остро стоит вопрос об использовании в контексте уголовно-правовой

© Хилjuta В. В., 2019

* Хилjuta Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Я. Купалы

tajna@tut.by

230027, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22

нормы понятий, которые признаны гражданско-правовыми. С материально-правовой точки зрения здесь важно определиться с правилами, критериями и пределами толкования иноотраслевых понятий, их подчинения принципам отрасли происхождения, а также изменения смысла и контекста дефиниций, используемых регулятивными отраслями применительно к нуждам уголовного права.

В науке уголовного права и правоприменительной практике в настоящее время укоренилась точка зрения об **автономности (самодостаточности) уголовного права**. Обусловлено это тем, что в период нестабильности позитивного законодательства и решения актуальных практических задач борьбы с преступностью уголовное право может включать свой регуляционный механизм — механизм уголовно-правового регулирования — и сугубо в своих интересах интерпретировать положения иных отраслей законодательства и тех терминов, которые используются в уголовном законе (хотя и имеют прямое отношение к регулирующим отраслям права).

Иначе говоря, функциональная автономия уголовного права порождает не только охранительную составляющую, но и регулирующую функцию и правоприменитель вправе при решении конкретного дела принимать решение, основываясь на заимствованных из иных отраслей права концепциях, но при этом может придавать им иной смысл и значение, чем тот, которыми они наделены в этих позитивных (регулирующих конкретные общественные отношения) отраслях.

Таким образом, основная идея автономности уголовного права заключается в том, что сформулированные в уголовном праве подходы к толкованию тех или иных понятий и категорий должны применяться только для собственных (уголовно-правовых) целей и никоим образом не могут быть экстраполированы на иные области юрис-

пруденции (иные отрасли права), и правоприменитель полностью свободен в выборе приемов и средств толкования закона и не связан функционально иным отраслевым законодательством, в которых уже используются данные термины и предметной областью которых они выступают. В конечном итоге с практической стороны все это имеет прямое отношение к расширительному или ограничительному толкованию уголовно-правовых норм и тех терминов, которые используются в позитивном законодательстве, но присутствуют в уголовном праве и являются конститутивными признаками преступления.

Яркий пример тому — понятие «имущество», используемое в определении хищения и являющееся конструктивным предметным признаком последнего (примечание к ст. 158 УК РФ). Причем как в советское, так и в нынешнее время уголовный закон в этой части не претерпел никаких изменений. Как и ранее, предметом хищения является исключительно чужое «имущество». Однако вопросы об объеме и о пределах его толкования не идентичны. Так, если ранее доктрина уголовного права и правоприменительная практика единодушно исходили из того, что предметом хищения могла быть только вещь, включая деньги и ценные бумаги, то в настоящее время подходы к пониманию термина «имущество» существенно изменились (при неизменности законодательного определения предмета хищения). Сегодня имущество включает в себя не только вещи, деньги, ценные бумаги, но и иные объекты гражданских прав. Причем границы эти не уточняются ни правоприменителем, ни законодателем (хотя формально это присутствует в части конструирования предметных квалифицированных составов различных форм хищений¹), ни представителями научного сообщества (здесь мы можем увидеть диаметрально противоположные точки зрения и разброс в оценках предметных признаков хищения²).

¹ Например, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ прямо предусматривает, что предметом кражи могут являться электронные денежные средства, а также безналичные деньги (кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств). В свою очередь, согласно п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ предметом кражи может являться и газ. Исходя из этого можно заключить, что иное имущество (лишенное вещной составляющей) и имущественные права являются предметом хищения (кражи). Однако не все, а только некоторые их разновидности, которые прямо указаны в законе: безналичные и электронные деньги, газ. Иначе говоря, «хищение» электроэнергии кражей уже не будет (хотя энергия — это тоже иное имущество), а будет причинением имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 165 УК РФ). Наверное, в этом и проявляется суть автономности уголовного права (правда, пока в деталях).

² Характерно в этом отношении мнение Н. И. Пикурова, который следующим образом обосновал автономность понятия «имущество» в гл. 21 УК РФ: «...совпадение юридической характеристики имущества

Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» сказано, что «если предметом преступления при мошенничестве являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества». Тем самым безналичные денежные средства и электронные деньги отнесены именно к имуществу (а не к праву на имущество) как предмету хищения.

Тем не менее в гражданском праве безналичные денежные средства и электронные деньги вовсе не относятся к имуществу, а представляют другой объект гражданских прав — иное имущество (или имущественные права). То есть концепция автономного существования уголовного права предлагает термин «имущество» применительно к хищениям рассматривать как вещи, деньги, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права. Такое положение дел обусловлено нуждами правоприменительной практики, и в угоду разрешения конкретных правоприменительных казусов высший судебный орган страны расширяет границы понимания предмета хищения, коль скоро включает в этот объем безналичные и электронные денежные средства. Представляется, что пределы такого толкования не ограничиваются названными предметами, и в объем данного понятия («имущество») при желании могут быть включены и иные объекты гражданских прав или их разновидности (например, криптовалюта).

Даже при всем том, что гражданское законодательство может по-другому оценивать данные ситуации и вполне разделять вещные, исключительные и обязательственные отношения, концепция автономности и самостоятельности уголовного права с этим, как видим,

вовсе может не считаться, и уголовное право, используя механизм правового регулирования, для своих исключительных нужд может вырабатывать иное значение терминов, используемых в иных отраслях законодательства. Вопрос состоит только в том, есть ли границы и пределы такого толкования и какие-либо правила подобного процесса?

Ведь если исходить из того, что уголовное право — это охранительная отрасль права, которая должна защищать те позитивные отношения, которые существуют в обществе (а это его основная функция), то почему тогда мы придаем тем отношениям (в данном случае в имущественной сфере), которые защищаем, иную окраску, используя формулу автономности? Ведь мы не можем охранять несуществующие отношения, уповав на некую самодостаточность и автономность уголовного права и его независимость от иных отраслей. Механизм уголовно-правового регулирования здесь явно будет зависеть не от формально-определенных правил, а от конъюнктурной целесообразности принятия определенных решений.

Впрочем, адепты автономности и самостоятельности уголовного права в вопросе толкования иноотраслевых понятий уповают на то, что ввиду пробельности и неконкретизированности описания признаков составов преступлений их толкование всегда остается за правоприменителем (судом). Толкуя закон, высший судебный орган тем самым устраняет пробел в правовом регулировании и прерывает «развитие схоластического направления диспута, выливающегося в очередные предложения по изменению и дополнению Уголовного кодекса»³. Таким образом, уголовный закон может наполняться реальным содержанием только через правоприменительную практику, которая может сужать или расширять основания и пределы уголовно-правового регулирования.

Пример тому — иное толкование терминов (в том числе и имущества) в одной и той же главе уголовного закона («Преступления против

как предмета хищения с аналогичной оценкой в гражданском праве означает не только заимствование терминологии гражданского права, но и констатацию общности предмета регулирования норм этих отраслей права. Сходство предмета обуславливает и адекватное отражение его признаков в нормах той и другой отрасли права. В то же время следует различать функциональные возможности использования термина «имущество» в гражданском и уголовном праве. В первом случае он обозначает ключевое понятие отрасли, во втором — отражает один из элементов состава некоторых преступлений» (Пиков Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. Волгоград. 1998. С. 197).

³ См.: Яни П. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 259.

собственности»), но уже применительно к составу вымогательства. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» сказано, что «к предмету вымогательства, по смыслу статьи 163 УК РФ, относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права. Под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в статье 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества. К другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств)». То есть имущество как предмет преступления в составе вымогательства понимается совсем по-иному, чем имущество в составе мошенничества, причем уже более расширительно.

Более того, правоприменительный сепаратизм в толковании гражданско-правовых терминов привел к тому, что право на имущество в составе вымогательства представляет собой имущественное право в некоем урезанном виде. Непоследовательность такого толкования состоит в том, что субъективные права участников правоотношений, которые рассматриваются Пленумом как право на имущество, входят в понятие имущественных прав, а те, как известно, составляют предмет именно имущества, а не права на имущество. Возникает недвусмысленный вопрос: почему вещные имущественные права в уголовном праве применительно к составу вымогательства должны являться предметом такой категории, как «право на имуще-

ство», а обязательственные имущественные права являются предметом такой категории, как «имущество» в составе вымогательства? Казалось бы, все должно было бы быть с точностью до наоборот, но, увы, ситуация выглядит иным образом. С другой стороны, определяя, что же входит в понятие имущества, Пленум не делает на сей счет никаких исключений и четко указывает, что к имуществу относятся также имущественные права (значит, все, включая и вещные), в том числе права требования. Парадокс заключается в том, что те же вещные имущественные права в контексте предложенных разъяснений Пленума относятся и к имуществу, и к праву на имущество. Поэтому очень трудно в духе имеющихся разъяснений Пленума объяснить, почему, например, принуждение к передаче требования по договору долевого строительства, права требования долга от третьего лица имеет своим предметом «имущество», а принуждение к заключению безвозмездного «договора» аренды, купли-продажи — деяние в отношении права на имущество⁴.

Тем не менее если рассматривать термин «имущество» исключительно в контексте гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ, то очевидно, что данная глава уголовного закона призвана охранять отношения собственности. Иначе говоря, предметом преступного посягательства могут быть только такие объекты гражданских прав, на которые может возникнуть право собственности. К тому же право собственности приспособлено для регулирования отношений по поводу вещей, а к бестелесному имуществу невозможно применить большинство положений права собственности ввиду отсутствия у таких объектов материальной оболочки.

Сказанное может свидетельствовать еще об одном тезисе автономности уголовного права: допущенные законодателем недостатки в конструировании уголовно-правовых норм вынужден исправлять правоприменитель — путем систематического, грамматического и других видов толкования правовых норм. Отсюда и вытекает вывод, что норма иной отрасли права, будучи включенной в уголовно-правовую, не может ограничивать ее пределы действия и соподчинять позитивному законодательству уголовный закон. При всем разнообразии дефиниций, используемых в регулятивном зако-

⁴ См.: Хилута В. В. Предмет преступления в судебной практике по делам о вымогательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 5. С. 75—81.

нодательстве, их понимание в уголовном законе не должно быть тождественным (например, понятие имущества как предмета хищения и легализации преступных доходов⁵). Толковать такой термин следует в том объеме, который придается ему регулятивным законодательством. Вопрос только в пределах подобного толкования уголовно-правовых норм.

Таким образом, в отсутствие четкого представления о границах и пределах действия автономности уголовного права трактовка многих признаков конкретного состава преступления может быть различной и весьма противоречивой, поскольку за основу могут быть взяты самые разные интерпретационные способы и приемы судебного толкования. И порой складывается ощущение, что зависит все это от конъюнктурных соображений.

Например, как указывает П. С. Яни, при систематическом способе толкования анализ связи уголовно-правовой нормы с нормами не уголовных отраслей права не ограничивается установлением внутренних зависимостей применяемой нормы, описанной бланкетными признаками, поскольку сопоставительный анализ правовых норм вне рамок уголовного закона может производиться при отграничении преступления от гражданско-правовых нарушений⁶. И это буквально означает, что правоприменитель может истолковать любой недочет законодателя в «нужном» ему направлении, опираясь опять же на самодостаточность уголовно-правовой материи. Еще один пример тому — судебное и научное понимание предмета взятничества.

Согласно ч. 1 ст. 290 УК РФ предметом получения взятки могут являться: деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконные услуги имущественного характера, иные имущественные права. Очевидно, что предметом взятки могут являться вещи, т.е. материальные ценности, однако законодатель здесь использует иной термин — «иное имущество». И если в гражданском праве иное имущество рассматривается как имущество, лишенное вещной составляющей (материальной оболочки), то применительно к взятничеству этот чисто гражданско-правовой термин понимается крайне широко: сами вещи (включая деньги и ценные бумаги) и иное имущество. При этом нужно особо сказать о том, что если буквально рассматривать такие понятия, как «услуги имущественного характера» и «имущественные права» в чисто цивилистическом понимании этих терминов, то многие противоправные деяния, связанные с получением взятки, будут «выпадать» из орбиты уголовного права, т.к. они не будут признаваться ни вещами, ни иным имуществом, ни услугами, ни имущественными правами⁷.

Отчетливо понимая данный аспект проблемы и предотвращая возможные последствия нестабильности правоприменения уголовного закона и неединообразного понимания его смысла судами, Пленум Верховного Суда РФ подправляет данный огрех законодателя и, используя постулат об автономности уголовного права, придает данным понятиям иное значение, чем то, которое имеет место в гражданском праве. Однако здесь и возникает вопрос, не подменяет ли собой автономность уголов-

⁵ Примером тому может являться уже совсем иное понимание термина «иное имущество» в ст. 174, 174.1 УК РФ. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 7 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» под иным имуществом следует понимать «движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документальные и бездокументальные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретенного преступным путем или в результате совершения преступления (например, объект недвижимости, построенный из стройматериалов, приобретенных преступным путем)».

⁶ См.: Яни П. С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. 2012. № 4. С. 72 ; Михеенкова М. А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. 2013. № 8. С. 76—77.

⁷ Должностное лицо в качестве предмета взятки может не только получать материальные ценности (вещи, деньги, ценные бумаги), но и приобретать иные объекты гражданских прав (иное имущество, лишенное материальной составляющей, в том числе безналичные денежные средства, бездокументальные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)).

ного права аналогию закона, ибо любое расширительное толкование вторгается в границы создания новой нормы права.

Так, в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», особо подчеркивается, что «под незаконным оказанием услуг имущественного характера судам следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование им, бесплатные либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами)».

Как видно, в данном случае более широкое понятие (имущественная выгода) входит в более узкое понятие (услуга имущественного характера), хотя все должно быть с точностью до наоборот. Не может имущественная выгода быть разновидностью услуги, потому как имущественная выгода имманентно включает в себя не только услуги, но и работы, имущественные права, иное имущество и т.д. Тем не менее российскими криминалистами данное положение дел объясняется весьма просто. Правильность указанного подхода связывается с тем, что «в ином случае были бы существенно ограничены пределы действия норм об ответственности за взяточничество, что противоречило бы декларируемым властью задачам и нашим международным обязательствам. Пленум исходил из того, что правоприменитель при толковании обсуждаемой нормативной дефиниции не связан гражданско-правовой категорией “услуги”, поскольку обсуждаемое уголовно-правовое понятие не обозначено бланкетным термином. Услуги имущественного характера — это результат творчества именно “уголовного законодателя”, что позволяет и требует толковать его в значении выгод имущественного характера, т.е. широко»⁸.

Таким образом, вдруг оказалось, что услуга имущественного характера имеет собственное уголовно-правовое содержание, отличающееся от гражданско-правовой трактовки услуги. При этом в данной трактовке уголовно-правовое понятие «услуга» поглощает собой как понятие услуги в гражданско-правовом значении слова, так и иное понятие, например проводимые работы, а также любое другое действие (бездействие) в пользу должностного лица. Получается, что через понятие выгоды имущественного характера, которое входит в понятие услуг имущественного характера, мы растолковываем иные правовоположения и включаем в объем этого определения всевозможные случаи, которые не охватываются термином «оказание услуг имущественного характера»⁹.

В итоге получается, что любому иноотраслевому термину уголовное право может придать свое значение и переформатировать его «под себя», под нужды практики. Задействуя механизм уголовно-правового регулирования, можно также решить любые проблемы и коллизии, какими бы сложными они ни казались.

Неопределенность в понимании даже своих «собственных» (уголовно-правовых) терминов порождает нетождественное толкование одних и тех же понятий. Явный тому пример — норма о мошенничестве как имущественном посягательстве. Классическая формула мошенничества указывает на то, что такое противоправное деяние совершается путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 УК РФ). Однако специальные виды мошенничества (159.1—159.6 УК РФ) опровергают данный довод, ибо законодательное описание данных специальных экономических мошенничеств указывает на то, что не обман и злоупотребление доверием являются способами этих мошенничеств, а совсем иные способы, порой никакого отношения к обману или злоупотреблению доверием не имеющие (например: «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей»; «мошенни-

⁸ Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., пер. и доп. М.: Норма, 2014.

⁹ См. более подробно: Хилута В. В. Пределы толкования выгоды имущественного характера как предмета взяточничества // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2017. № 4. С. 16—17.

чество с использованием электронных средств платежа» и т.д.).

Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» сказано, что «по смыслу статьи 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него». То есть речь идет не о мошенничестве (даже в сфере компьютерной информации), а о некоем ином способе совершения преступления, который никак не связан с обманом или злоупотреблением доверием, потому как здесь задействован иной механизм совершения преступления — модификация компьютерной информации и «обман» компьютера, а не человека¹⁰. Автономность же уголовного права позволяет и такой новый способ имущественного посягательства именовать мошенничеством, но толковать его вовсе не как обман или злоупотребление доверием, а иным образом.

Итак, если исходить из того, что мы пока не видим и не знаем границ автономности уголовного права и не пытаемся рамочно очертить возможные признаки такого уголовно-правового регулирования, то возникает потребность в поиске иных критериев разрешения настоящей проблемы.

Поэтому иной подход в толковании уголовно-правовых норм в данном случае может исходить из **концепции «акцессорной зависимости» уголовного права как санкции за нарушение норм других отраслей права**, т.е. за основу здесь принимается постулат о чисто охранительной отрасли уголовного права, где нормы гражданского права при оценке совершенного факта должны получать приоритет по сравнению с нормами уголовного права¹¹. Например, многие нормы об экономических и имущественных преступлениях детерминированы регулятивным законодательством (гражданским, налоговым, банковским, финансовым, хозяйственным, торговым, бюджетным и т.д.), и последнее определяет самым непосредственным образом процесс криминализации и декриминализации, толкования и правоприменения указанных норм уголовного закона. Поэтому бланкетные нормы статей уголовного закона об экономических и имущественных преступлениях не могут автономно толковаться и рассматриваться изолированно от позитивного законодательства, они носят вспомогательный характер.

Данный тезис наглядно демонстрирует отстаиваемый многими учеными аргумент о том, что в функциональном аспекте уголовное право является отраслью, имеющей дело исключительно с охраной общественных отношений. С этой точки зрения нормы уголовного права отличаются от других правовых норм тем, что они являются средством охраны всех общественных отношений, регулируемых другими отраслями права.

Поэтому, как указывает, например, И. В. Шишко, уголовное право в принципе не может регулировать те или иные отношения в позитивной сфере¹². В этом смысле действующее гражданское законодательство, закрепляя за собой право регулирования имущественных или неимущественных отношений, может передавать часть своих функций в данном вопросе иным

¹⁰ Более подробно о сущности и содержательных аспектах хищения с использованием компьютерной техники см.: Хилjuta В. В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество? // Библиотека криминалиста. 2013. № 5. С. 55—65 ; Он же. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 60—69.

¹¹ Буквально это означает, что при разрешении всевозможных коллизий и противоречий правоприменитель должен основываться на приоритете позитивного законодательства (гражданского, семейного, финансового и т.д.) в части правовой оценки деяния, выступающего в качестве юридического факта, и акцессорности уголовного права.

¹² Шишко И. В. Экономические правонарушения. СПб., 2004. С. 127.

отраслям права, но никогда не отсылать к нормам уголовного права.

Таким образом, смысл рассматриваемой концепции заключается в том, что действующее регулятивное законодательство определяет установление прав, обязанностей или запретов исключительно для участников позитивных отношений, и это прерогатива норм позитивного права (гражданского, финансового, налогового, земельного, административного), а не уголовного, т.е. охранительного. Уголовно-правовые нормы в данном вопросе не могут изменять права и обязанности участников позитивных отношений, установленные нормами регулятивных отраслей, не могут вводить дополнительные обязанности, умалять имеющиеся права, расширять или сужать объем запретов посредством расширительного или ограничительного толкования закона¹³. Используя последовательно различные способы толкования конкретной статьи уголовного закона, правоприменитель в первую очередь должен уяснить ее смысл, в том числе и исходя из ее места в системе других правовых актов. Прибегнув к такому способу, мы непременно обязаны воспроизводить статью уголовного закона посредством гражданско-правового инструментария¹⁴. То есть при формулировании общественно опасного поведения в сфере экономики его уголовно-правовые границы должны находиться в пределах прав и обязанностей, закрепленных регулятивным законодательством¹⁵.

Поэтому если уж и вести речь о механизме уголовно-правового регулирования до конца, то исходить следует из того, что предметом уголовно-правового регулирования могут быть не только позитивные, но и охранительные общественные отношения. В этом смысле сущ-

ность автономности уголовного права заключается в том, что оно с содержательной и функциональной стороны должно формулировать и устанавливать признаки, совокупность которых бы позволяла то или иное деяние относить к разряду преступлений. Самостоятельность уголовного права определяется и тем, что оно органично включается в систему иных общественных регуляторов, выражая свою охранительную составляющую.

В таком ракурсе автономность уголовно-правового регулирования (а предметом уголовно-правового регулирования все-таки является отклоняющееся поведение субъекта) заменяется совсем иным подходом — автономности судебного толкования уголовно-правовых норм. Фактически происходит подмена понятий, и автономность уголовного права связывается не столько с регулирующей функцией, сколько с правоприменением уголовно-правовых норм. И если мы говорим о самостоятельности уголовного права и акценты при этом делаем на правовых запретах и глубине их вторжения в общественные отношения, то автономность судебного толкования уголовно-правовых норм пока не знает таких границ.

Как результат — автономность уголовного права может в итоге порождать неопределенность содержания самой правовой нормы и, по сути, допускать возможность никем не ограниченного усмотрения в процессе ее правоприменения. Складывается такое впечатление, что правоприменитель сегодня может посредством толкования (уповая на автономность уголовного права) подправить любые огрехи законодателя и найти тому разумное объяснение¹⁶.

Однако автономные понятия уголовного права — это все-таки основополагающие кате-

¹³ И. В. Шишко по этому вопросу также добавляет, что когда уголовный закон придает понятию значение, позволяющее относить к преступлению правомерное действие (бездействие), то руководствоваться таким понятием нельзя (*Шишко И. В.* Указ. соч. С. 130, 237).

¹⁴ См.: *Камынин И.* Соотношение норм гражданского и уголовного законодательства // *Уголовное право.* 2002. № 2. С. 118.

¹⁵ Как полагал А. Э. Жалинский, в данном вопросе следует исходить из того, что «понятия являются гражданско-правовыми, если они отражают в себе основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные Конституцией РФ. В силу этого они являются базовым программирующим средством регулирования отношений в имущественной сфере, основанных на конституционных началах» (*Жалинский А. Э.* О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // *Государство и право.* 1999. № 12. С. 52).

¹⁶ Наверное, это обусловлено высоким динамизмом отраслевого экономического законодательства, что не позволяет законодателю оперативно реагировать на происходящие изменения и быстро приводить нормы уголовного закона в соответствие с регулятивными отраслями.

гории прецедентного права¹⁷, причем объем и содержание такой автономности определяются судом исходя из неких принципов борьбы с преступностью и политико-правовой целесообразности. Автономность уголовного права здесь приобретает статус семантической независимости: его определения никак не связаны с позитивными (регулирующими) отраслями законодательства и нетождественны последним.

Тем не менее даже если для целей автономного толкования иных (позитивных) отраслей законодательства необходимо отойти от формального значения толкуемого термина в регулятивном законодательстве (гражданском, финансовом, налоговом) и проанализировать его истинную природу для нужд уголовного права, то этот процесс не может заходить слишком далеко, ибо всегда есть вероятность прийти к условной доле абстракции в толковании и схоластичной квалификации преступлений в угоду сиюминутным потребностям. Все это, конечно, может быть обосновано, но вряд ли будет основано на законе. Отклонение от догматического понимания иноотраслевых терминов уголовным законодательством (происходящее по неизвестным правилам и зачастую напоминающее некие стереотипы в мышлении) непременно создает угрозу отхода от границ закона и создания внесистемных (а по сути — прецедентных) понятий.

Вот здесь и возникает вопрос о том, что, толкуя тот или иной термин, правоприменитель может сужать или расширять объем уголовной ответственности, но может ли он объявлять противоправным деянием то, что признают правомерным поведением нормы регулятивных отраслей права? Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. Означает ли это, что в такой плоскости вырисовывается и допустимая граница (или же пределы) судебного толкования терминов (законодательных дефиниций), содержание которых раскрывается позитивным законодательством, но область автономии уголовного права модифицирует их (сугубо процесс толкования)

в своих интересах? Наверное, ответ на данный вопрос должен быть положительным.

Ведь если рассматривать автономность уголовного права буквально и ничем не ограничивать пределы толкования иноотраслевых терминов, содержащихся в уголовном законе, то помимо сказанного можно допустить, что в ряде ситуаций уголовно-правовые нормы будут существовать сами по себе, вне их связи с иными нормами отраслей законодательства. При такой постановке вопроса уголовное право превратится в «изолированный правовой институт». Красноречивее всего здесь выглядит утверждение Д. М. Пайвина, который полагает, что при описании признаков состава преступления, формирующих элемент девиации, допустимо использовать только оригинальные уголовно-правовые термины¹⁸. В идеале, конечно, данный постулат должен быть взят на вооружение, но уголовное право по своей функциональной сущности — это охранительная отрасль, которая призвана защищать те отношения, которые уже урегулированы охранительным законодательством. Иначе говоря, в большинстве случаев уголовное право отсылает нас к нормам иных отраслей права при формулировании конкретных уголовно-правовых запретов и признаков состава преступления. И здесь применение терминологии позитивного законодательства просто является необходимым. Поэтому нормы уголовного закона не могут быть абсолютно свободны в формулировании признаков преступного деяния. Следовательно, разработка концепции автономности уголовного законодательства в части установления уголовной ответственности за преступления против собственности и в сфере экономической деятельности должна базироваться на положениях гражданского законодательства, доктринальные положения которого являются краеугольным камнем установления уголовно-правовых запретов в сфере экономики.

Безусловно, трансформация норм гражданского права в сфере уголовной юстиции прямым образом влияет на уголовно-право-

¹⁷ В данном случае разъяснения по вопросам применения уголовного законодательства, даваемые Верховным Судом, носят общий характер и не могут претендовать на статус судебного прецедента, т.к. последний представляет собой решение по конкретному делу. По этой причине А. И. Рарог ранее указывал, что судебское правотворчество весьма опасный инструмент и по сути своей может представлять антиправовой симбиоз законодателя и правоприменителя (судьи) в одном лице (*Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 57*).

¹⁸ См.: *Пайвин Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 24

вое регулирование экономических отношений (имущественных, корпоративных, налоговых и т.д.), что в итоге может привести к сужению или расширению сферы действия уголовно-правового запрета. Однако в любом случае уголовный закон не должен противоречить гражданско-правовым предписаниям, даже если в последующем приходится толковать положения этого закона.

В итоге получается, что уголовное право может по своей инициативе давать любую (самостоятельную) оценку фактам, которые не идентичны оценке гражданского права. И вот здесь принципиально важный момент состоит в том, что расширительное толкование уголовного закона мы должны отделять от аналогии права. Недостаточная криминализация общественных отношений, как бы мы к этому ни относились, не является «докриминализацией» со стороны правоприменителя. Поэтому несоответствие (рассогласование) уголовно-правовых норм позитивным общественным отношениям должно стать в последующем основанием для криминализации или декриминализации. В этой связи также отметим, что, на наш взгляд, изменение характера общественных отношений, круг которых подлежит регулированию позитивным законодательством и находится под охраной уголовного закона, не может автоматически влечь за собой изменение понимания самого уголовного закона, где будет задействован процесс иного толкования уголовно-правовой нормы правоприменителем посредством ее расширительного воспроизведения.

Следовательно, автономное толкование иноотраслевых признаков и понятий гражданского права (как, впрочем, и любого иного) немыслимо в силу обусловленности уголовно-правовых норм регулятивными. Поэтому, если уголовный закон должен охранять от преступ-

ных посягательств экономические (имущественные) отношения, возникающие по поводу статики и динамики объектов гражданских прав и их оборота, его подчинение (детерминация) положениям регулятивного законодательства неизбежно. Детерминированность здесь и должна проявляться именно в соответствии описания признаков преступления положениям регулятивных норм.

В конечном счете автономная уголовно-правовая терминология, порождаемая судебным толкованием, не облегчает понимание правовых норм, а затрудняет процесс их последующего уяснения и правоприменения. С другой стороны, схоластическое экстраполирование положений и терминологии регулятивных отраслей права на уголовно-правовую материю не может быть единообразным и буквальным, ибо различные отрасли права призваны регулировать определенный срез общественных отношений, а уголовное право призвано охранять эти отношения как в отдельности, так и в общем. Отсюда и вытекает положение о нетождественности уголовно-правовой терминологии и необходимости ее упорядочения применительно к определенным сферам позитивного законодательства. Иначе говоря, разные уголовно-правовые нормы обусловлены разными нормативными правовыми актами регулятивных отраслей права. Однако на деле получается так, что сегодня межотраслевое взаимодействие уголовного и иных отраслей права происходит исключительно путем заимствования терминов регулятивного законодательства без соблюдения каких-либо правил и логики криминализации противоправных деяний в сфере экономики. Поэтому многие понятия регулятивных отраслей права получают иное значение в уголовном законе лишь потому, что они иначе интерпретируются в контексте уголовно-правовых норм.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Жалинский А. Э. О соотношении уголовного и гражданского права в сфере экономики // Государство и право. — 1999. — № 12. — С. 47—52.
2. Камынин И. Соотношение норм гражданского и уголовного законодательства // Уголовное право. — 2002. — № 2. — С. 118—119.
3. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / под общ. ред. В. М. Лебедева. — 3-е изд., пер. и доп. — М.: Норма, 2014.
4. Михеенкова М. А. Принцип автономии уголовного права и процесса в классической континентальной доктрине // Закон. — 2013. — № 8. — С. 73—78.

5. Пайвин Д. М. Влияние норм гражданского законодательства на квалификацию преступлений в сфере экономической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005. — 26 с.
6. Пикуров Н. И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. — Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998. — 220 с.
7. Рарог А. И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ // Государство и право. — 2001. — № 2. — С. 51—57.
8. Хилjuta В. В. Пределы толкования выгоды имущественного характера как предмета взятничества // Научный вестник Омской Академии МВД России. — 2017. — № 4. — С. 13—19.
9. Хилjuta В. В. Предмет преступления в судебной практике по делам о вымогательстве // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 5. — С. 75—81.
10. Хилjuta В. В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. — 2014. — № 3. — С. 60—69.
11. Хилjuta В. В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество? // Библиотека криминалиста. — 2013. — № 5. — С. 55—65.
12. Шишко И. В. Экономические правонарушения. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 307 с.
13. Яни П. С. Вопросы толкования уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2012. — № 4. — С. 55—75.
14. Яни П. Устранение пробелов уголовно-правового регулирования решениями Верховного Суда // Пробелы в российском законодательстве. — 2008. — № 1. — С. 258—259.

Материал поступил в редакцию 23 ноября 2018 г.

LIMITS OF AUTONOMY IN CRIMINAL LAW

KHILYUTA Vadim Vladimirovich, PhD in Law, Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of Grodno State University named after Ya. Kupala
tajna@tut.by
230027, Republic of Belarus, Grodno, ul. Ozheshko, d. 22

Abstract. *The article raises a question about the autonomy of criminal law. Various aspects of the doctrinal understanding of the limits of criminal law and its scope in relation to the positive branches of legislation are considered. The author in the context of the existence of the concept of autonomy (independence) of criminal law regulation questions the limits of judicial interpretation. In this context, antagonistic views on the limits of the mechanism of criminal law regulation are considered. Particular attention is given to the fundamental premise that the functional autonomy of criminal law generates not only a protective component, but also a regulatory function, and the law enforcement officer has the right to decide a particular case, based on concepts borrowed from other branches of law, but it can give them a different meaning and significance than the one they are endowed with in these positive (regulating specific social relations) sectors. The author comes to the conclusion that an autonomous interpretation of foreign industry features and concepts of regulatory legislation is scarcely credible. If a criminal law is to protect economic relations arising from the static and dynamic nature of objects of civil rights and their turnover from criminal encroachments, its subordination to the provisions of regulatory legislation is inevitable. The determinism here should be manifested precisely in accordance with the description of the signs of the crime to the provisions of regulatory norms. As a result, the autonomy of criminal law may create uncertainty about the content of the rule of law itself and allow for unlimited discretion in its enforcement. In this formulation of the issue, the autonomy of criminal law regulation is replaced by a very different approach — the autonomy of the judicial interpretation of criminal law. However, in this case there is a substitution of concepts, and the autonomy of criminal law is associated not so much with the regulatory function as with the law enforcement of criminal law.*

Keywords: *criminal law, criminal law regulation, autonomy of criminal law, interpretation of law, limits of judicial interpretation, legal positivism.*

REFERENCES

1. Zhalinskiy A. E. *O sootnoshenii ugolovnogogo i grazhdanskogo prava v sfere ekonomiki* [On the relationship of criminal and civil law in the field of economy]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 1999. No. 12. Pp. 47—52.
2. Kamynin I. *Sootnoshenie norm grazhdanskogo i ugolovnogogo zakonodatelstva* [The ratio of the norms of the civil and criminal law]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law]. 2002. No. 2. P. 118—119.
3. *Kommentariy k postanovleniyam plenuma verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii po ugolovnym delam*. 3-e izd., per. i dop. [Commentary on the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. 3-e ed. Rev. and suupl.]. Edited by V. M. Lebedev. Legal reference system "Konsultant Plus." [Electronic resource]. «KonsultantPlus».
4. Mikheenkova M. A. *Printsip avtonomii ugolovnogogo prava i protsessa v klassicheskoy kontinentalnoy doktrine* [The principle of autonomy of criminal law and procedure in the classical continental doctrine]. *Zakon* [Law]. 2013. No. 8. Pp. 73—78.
5. Payvin D. M. *Vliyaniye norm grazhdanskogo zakonodatelstva na kvalifikatsiyu prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Influence of the norms of civil law on the qualification of crimes in the field of economic activity : Abstract of the PhD Thesis]. Yekaterinburg. 2005. 26 p.
6. Pikurov N. I. *Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevykh svyazey* [Criminal law in the system of intersectoral relations]. Volgograd : VUI of the Ministry of the Interior of Russia, 1998. 220 p.
7. Rarog A. I. *Pravovoe znachenie raz'yasneniy plenuma verkhovnogo suda RF* [Legal significance of the explanations of the Plenum of the Supreme Court]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2001. No. 2. Pp. 51—57.
8. Khilyuta V. V. *Predely tolkovaniya vygody imushchestvennogo kharaktera kak predmeta vzyatochnichestva* [Limits of interpretation of benefit of property character as a subject of bribery]. *Nauchnyy vestnik Omskoy kademii MVD Rossii* [Scientific Bulletin of Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia]. 2017. No. 4. P. 13—19.
9. Khilyuta V. V. *Predmet prestupleniya v sudebnoy praktike po delam o vymogatel'stve* [The subject of the crime in judicial practice in cases of extortion]. *Biblioteka ugolovnogogo prava i kriminologii* [Library of criminal law and criminology]. 2017. No. 5. Pp. 75—81.
10. Khilyuta V. V. *Ugolovnaya otvetstvennost za khishcheniya s ispolzovaniem kompyuternoy tekhniki* [Criminal liability for theft using computer equipment]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law]. 2014. No. 3. Pp. 60—69.
11. Khilyuta V. V. *Khishchenie s ispolzovaniem kompyuternoy tekhniki ili kompyuternoe moshennichestvo?* [Computer theft or computer fraud?]. *Biblioteka kriminalista* [Criminalist library]. 2013. No. 5. Pp. 55—65.
12. Shishko I. V. *Ekonomicheskie pravonarusheniya* [Economic offenses]. St. Petersburg: Yuridichesskiy Tsentr-Press Publ., 2004. 307 p.
13. Yani P. S. *Voprosy tolkovaniya ugolovnogogo zakona* [Questions of interpretation of the criminal law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Pravo* [Moscow University Bulletin. Law]. 2012. No. 4. Pp. 55—75.
14. Yani P. S. *Ustraneniye probelov ugolovno-pravovogo regulirovaniya resheniyami Verkhovnogo suda* [Elimination of gaps in criminal law regulation by decisions of the Supreme Court]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation]. 2008. No. 1. Pp. 258-259.